

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ВЕРНЫЙ
МУЖ

Мария Метлицкая
Верный муж
Серия «Книга в сумочку»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70070398
М. Метлицкая. Верный муж: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-04-144659-8

Аннотация

Перелистывая страницу за страницей чужую жизнь, вы будете смеяться, переживать за героев, сомневаться в правдивости историй или, наоборот, вспоминать, что точно такой же случай приключился с вами или вашими близкими. Но главное – эта история не оставят вас равнодушными. Это мы вам обещаем!

Мария Метлицкая

Верный муж

Мария Метлицкая

* * *

Теперь ее день начинался совсем по-другому. Не так, как прежде. Прежняя жизнь канула в Лету: и привычки, и распорядок, и планы – все поменялось и развернулось в другую сторону.

Все закончилось со смертью мужа. Началась новая жизнь. Каждый день Надя уговаривала себя, что и к этому привыкают. Да ко всему люди привыкают, что говорить! А уж сколько вдов в ее возрасте! Гораздо больше, чем вдовцов, – таковы реалии жизни, никуда не деться.

Со смерти мужа времени прошло совсем мало – всего-то полгода. Что это по сравнению с целой жизнью длиною в двадцать семь лет! Приятельницы, уже прошедшие нелегкий путь вдовства, утешали как могли и делились опытом. Одна предлагала вязать на спицах, другая – уехать к родне в другой город, третья – отправиться в путешествие по разным странам. Четвертая фанатично занялась здоровьем – бассейн три раза в неделю и какая-то новомодная аэробика.

Все это было не для нее. Вязание и всякое рукоделие ее

только раздражали, родни в провинции не имелось вовсе, путешествовать было уж совсем неохота – все поездки были семейными, и представить себя одной на пароходе или на пляже было совсем нелепо и даже страшновато.

А уж про фитнес-центры – ну это вообще смешно! Спортсменка из нее...

Дочка Любочка жила в Португалии – муж-грек (вот как бывает) отправился туда в поисках лучшей доли. Кризис в Греции давал о себе знать, и у детей был сейчас тоже несладкий период – жили у брата мужа, работал один зять, дочка искала работу, но пока безуспешно.

Что оставалось в пенсионерской и одинокой отныне жизни? Да по сути – ничего. Готовку Надежда забросила – столько лет у плиты! Осточертело.

К подругам часто не поездишь – усталость, да и, потом, у всех свои дела и проблемы. Выходило, что в сухом остатке у нее книги, телевизор, походы в магазин и, пожалуй, все – как ни прискорбно.

Все лето она провела на даче, хотя с погодой не повезло – в июне беспрерывно лили дожди, в июле стояла невыносимая жара, а в августе опять зарядили дожди и стало холодно, да так, что печку приходилось топить ежедневно. А как только закончились дрова, она с облегчением и радостью закрыла ставни, убрала подушки и одеяла на чердак, укрыла гортензию и розы лапником и поспешила в Москву.

В квартире тоже было не ахти – и сыро, и холодно. И то-

же совсем одиноко. В комнату мужа Надежда не заходила. Пока не заходила. Ждала, пока чуть отпустит, хотя бы самую малость. Только приоткрывала дверь, пытаюсь уловить хоть какой-то знакомый запах, но... Запахов не было. Запахи, даже самые стойкие, имели способность улетучиваться и испаряться. В отличие от человеческой боли, воспоминаний и переживаний.

Теперь она могла спать хоть до полудня и в первые месяцы так и делала – вставала в двенадцать, пила чай и снова ложилась. Потом взяла себя в руки. Пыталась хлопотать по дому. Да какие это были хлопоты! Смешно, ей-богу! После той ее жизни, где все было подчинено семье, мужу, заботам о его здоровье, особенно в последние годы, когда он уже тяжело и безнадежно болел. Да и раньше, до его болезни, расслабиться ей не удавалось – слишком требователен был Григорий Петрович, даже капризен. Впрочем, здесь и ее доля вины, да еще какая! Дочка говорила, что ее шея – отличный плацдарм, удобный и комфортный. Если уж кто присядет, обратно не сгонишь точно.

Но здесь надо было учитывать особые обстоятельства ее жизни. А именно то, что она вышла замуж, да и за приличного, очень интересного внешне, обеспеченного и интеллигентного человека, и это было огромной удачей и везением. Ей к тому времени исполнилось тридцать два года, и внешность у нее была совсем незначительная, плюс к тому – отчаянная бедность и отсутствие всяких надежд на какие-либо

перемены.

Знакомство с Григорием Петровичем было дано свыше, не иначе, так как ее шансы были ничтожны. Она уже перестала мечтать не только о замужестве, но и просто о незначительных отношениях с мужчиной – она была согласна на роль любовницы или подруги, жилетки или плеча, но и их ей, увы, никто не предлагал. И даже мать, не терявшая надежду до последнего, перестала ходить в церковь (разумеется, потихоньку от дочки) и ставить свечки всем святым подряд.

Подруги все были давно при мужьях и при детях, самые отчаянные заводили интрижки на работе и курортах, горели в страстях, убивались в семейных хлопотах, меняли наряды и прически и больше всего боялись, что молодость исчезает, испаряется, и трагично отмечали, как неумолимо бежит время.

А Наденька Круглова была спокойна и рассудительна: так – значит, так. Не всем быть при муже и не всем иметь ребенка. У всех своя судьба, ее, как известно, не обманешь и вокруг пальца не обведешь.

Обвела. Обвела судьбу тихая Наденька. Да еще как обвела! Вот уж дала она тогда повод для пересудов всем подружкам и соседкам! Было чем заняться. Все диву давались – Надька! Все тихой сапой! Скромная такая, мышка серая! Не просто замуж – вот ведь в чем дело. Не из серии – на каждую гаденькую найдется свой плохонький. Где там! Мужа оторвала интересного, солидного, с положением. Зарпла-

та, квартира, машина! Вот дела! И непьющий мужик, и вроде не гуляющий! Интеллигент, одно слово. Приличный человек. И завидовали Наде – как без этого – даже те, кто давно был «в семье» и с детишками. Что поделаешь – так человек устроен. А все потому, что у красавиц и умниц таких мужей не было. А у «этой Надьки»...

За что, спрашивается? За какие такие заслуги? А не за какие. Просто судьба.

А что у Нади на сердце, какие печали – это всем знать ни к чему.

А были печали, были! И слезы были, и бессонные ночи. Все было. Только никому-никому она об этом не рассказывала, потому что личное на то и личное, чтобы без посторонних глаз.

Нет! Все равно она считала, что счастлива! Бога не гневila – ни-ни! И муж порядочный, и дочку родила. И это почти в тридцать пять! Все успела. Муж слова грубого за всю жизнь не сказал, дурой не обозвал ни разу. И дочка удачная – всем бы таких детей! Болела не много, в школе успевала хорошо. Шляться не шлялась, по подъездам не терлась, не курила и на дискотеки не бегала. В восемнадцать замуж вышла за иностранца. И опять пересуды – дала Любашка! Всем нос утерла. А ведь не такая красавица – ничего примечательного! Таких миллионы. Укатила в Грецию.

Ну без гадостей не обошлось – дескать, бросила родителей в такую минуту! Отец почти не встает, мать буквально

рвется.

А Любаша уехала. Не бросила их, а уехала, за мужем, потому что у нее теперь семья. А семья – это святое, так ее мать воспитала. И не забывала их, между прочим, звонила по три раза в неделю. Лекарства присылала отцу иногда.

Да, на похороны отца Любочка не приехала. Не потому, что денег пожалела, а потому, что Наденька дочь пожалела, кровиночку свою. Не написала, что отец скончался. Вернее, написала, но потом, после похорон. Знала, как у детей плохо с деньгами. И было ей наплевать на пересуды за спиной.

Семья – это государство. Свой король и свои подданные. Свои устои и свои законы. Хочешь – принимай и живи счастливо. Хочешь – бастуй и живи в немилости.

Королем в семье был муж, Гриша. А Наденька с Любашей – подданные. И что в этом плохого? Король отвечает за них, за подданных. Заботится и оберегает. Все решения принимает сам. И они с этим согласны. Так спокойнее, не правда ли?

Будущий муж, тогда еще жених, был предельно честен. Сказал сразу: «Примешь то, что я говорю, жить будем мирно и спокойно. Хорошо будем жить. Будешь возражать, ничего не выйдет – ни семьи, ни дома. Вот так. И это мой ультиматум».

Надя хотела. И приняла все, без уточнений и вопросов. Потому что из понятливых и еще потому, что любила. Вот и объяснение. Все просто. Она даже не удивилась мужнинуму

ультиматуму. Тихо сказала: «Хорошо. Я согласна». Не думала ни минуты.

А ультиматум был серьезный. Из нескольких пунктов. Во-первых, никаких гостей. Мой дом – моя крепость. И в гости тоже – ни-ни. Не любит он это. Сама – пожалуйста, бога ради. И в театры, и в кино – с мамой или с подружками. Он не изверг и не садист. Далее, влажная уборка каждый день – Григорий Петрович аллергик. Дальше – завтрак, обед и ужин. Как «Отче наш». С утра – овсянка. В обед суп и второе. Кисель (предпочтительней) или компот. Ужин легкий – здесь уж она сама разберется.

Спальни разные – так всем будет удобнее. Он привык читать за полночь, да и спит неважно – что ее беспокоить. Что ж, разумно. Обиделась про себя и ненадолго. Против логики и здравого смысла не поперешь.

Потом даже оценила. С возрастом, правда.

Отдыхать вместе – через год. Он любит уединение. По этой же причине в его комнату без стука не входить.

Обидно? Да ерунда, бросьте. Человек имеет право! К тому же надо понимать: он так привык. Столько лет прожил в одиночестве!

И это Надя приняла. Ну в конце концов – в чем здесь трагедия? Зарплату муж отдавал до копейки. В кино и к подружкам отпускал. Правда, к его приходу она должна была быть дома... А что тут такого? Работа у него тяжелая, ответственная. Это не ее работа – курам на смех. Синекура, а не рабо-

та – пешочком да на полдня, в поликлинике районной статистиком. Прошлась по свежему воздуху, размялась. Не спеша, по липовой аллейке. Ни транспорта общественного, ни давки. На обратном пути – в булочную и молочную. Сказка, а не работа!

И тряпкой влажной полы и мебель протереть не грех и не тяжесть. А кашу овсяную сварить и кисель – тоже невелик труд.

Да и пылесос муж тут же купил импортный. И стиральную машинку.

И на курорт ездили по путевке. Никаких каморок и столовых – номер с видом на море, питание диетическое, виноград и персики на блюде. Свой пляж с лежаками. Райская жизнь!

Дочку муж любил. Ничего ей не жалел – ни игрушек, ни платьев, ни развлечений. В семь лет купил пианино, чтобы Любочка слух развивала.

На что жаловаться? Не на что, правильно. Только господа и судьбу каждый день благодарить за такого отца и мужа. И к маме ее, кстати, относился хорошо: ни слова грубого, ни взгляда. Денег на новый холодильник дал.

Все делал для семьи и все во благо. Упрекнуть человека не в чем! Не муж, а идеал всех женщин.

Да, все так. Все правда. Только вот слова «люблю» он Наде за всю жизнь ни разу не сказал. «Спасибо» – да, было. Особенно под конец жизни, когда болел.

А за что, собственно, «спасибо»? За то, что ухаживала?

Честно исполняла свой долг?

Ну тогда она ему каждый день должна была кланяться. Поклоны бить.

А разве он требовал? Никогда себя не хвалил и ее не попрекал.

Сложный человек, понятно. А кто простой? Вот покажите!

Да нет, не показывайте! Потому что ей неинтересно, как и кто там живет.

У нее есть семья! Государство! Ее, личное. Ее и его. И они в нем сами разберутся. Не сомневайтесь.

А про то, что «люблю» не говорил...

Так он однажды сказал: «Человек определяется не словами, а делами. У тебя есть претензии?»

Нет. Претензий у нее не было.

А вот было ли счастье? Вопрос.

* * *

Интересное дело – судьба. И на танцы ведь молодая ходила, и в кинишко, и на каток с подружками. Позже – в компании разные. С мамой ездила на курорт. И ничего! Ни одного серьезного романа! Так, пара-тройка незначительных свиданий.

А тут поехала к тетке на Сретенку, села на бульваре передохнуть. Рядом мужчина – солидный, интересный. Газе-

ту читает. Она взгляд мельком кинула и отвернулась. Доела мороженое, передохнула и встала со скамейки. А он газету отложил и спрашивает: «Торопитесь?»

Она от неожиданности головой мотнула и снова на скамейку плюхнулась.

Так и познакомились. Прошлись по Сретенскому, потом до самой Сухаревки дошли. Как – за разговорами и не заметили.

Назавтра снова встретились. Опять гуляли. Осень тогда стояла сказочная! Октябрь, а тепло, как летом.

Гуляли три недели. А потом Григорий Петрович предложил Наденьке выйти за него замуж.

Она почему-то расплакалась и сразу кивнула.

А ночь не спала и думала, что назавтра он рассмеется и скажет, что пошутил.

Не сказал. И через два месяца сыграли свадьбу.

* * *

Что она знала о своем муже? А ничего. Сразу поняла: спрашивать не надо. И не в том дело, что Надя Круглова, в замужестве Панкратова, была шибко умной или шибко опытной – какой у нее опыт, смешно! А потому, что чуйка у нее была, природное такое свойство: не лезть в чужую душу, не интересоваться подробностями, не стремиться узнать того, о чем ей не пожелали рассказать. Нелюбопытной бы-

ла Надя – наверное, так. И еще – стеснительной. Конечно, понимала: муж Гриша достался ей человеком сложившимся, взрослым. К тому же красавец, что говорить. Понятно, что баб у него было в избытке. А вот от подробностей увольте. Не ее это дело. Важно, что есть сейчас. А про прошлое бог с ним. Как говорила мама, меньше знаешь, крепче спишь.

Правда, одна Гришина родственница, Лена-беленькая, препротивная, надо сказать, особа, сплетница и интриганка отъявленная, за которой водился грешок людей, как собак, стравливать, поймала ее в коридоре, завела в темный угол и попыталась «рассказать все, как оно действительно было». Надя, совсем молодая жена, болтливую родственницу остановила резко, что в принципе ей было не свойственно:

– Не интересно нисколько, не тратьте зря времени!

Ленка эта аж кипящей слюной подавилась:

– Как это так? Про баб его не интересно? Такие были темы! – И она в блаженстве закатила глаза.

– Ни капли не интересно! – подтвердила Надя и, решительно отодвинув Лену, пошла прочь.

Та так и осталась с открытым ртом, да еще и обиделась – пару лет трындела, что жена у Гришки неполноценная. Дура прям какая-то. Хорошая пара: он, придурок спесивый, и она, недоделанная.

Потом Надежда поняла, почему Гриша к этим «родственничкам» ни ногой. Ни на праздники, ни на дни рождения. Только если похороны – здесь не отбрешешься.

Жили хорошо – ни ругани, ни скандалов. Мужа Надя уважала, ценила и... побаивалась немного, совсем чуть-чуть. Особенно когда он брови хмурил и покрывал недовольно – была у него такая привычка. Отцом Григорий Петрович был для Любаши справедливым – ни разу на нее просто так не сорвался, не заорал, как это часто у мужиков бывает, когда устали или настроения нет. Правда, и не занимался с ней никогда – в игрушки не играл, книжек не читал. А что тут такого? Все мужики такие. Ну или почти все. Все женщины на мужей жаловались. Только не Надя. Никогда – даже матери родной, не говоря о подружках, слова дурного о муже не сказала. Ни разу! Да и говорить было особенно нечего.

А что неласковый – так это характер такой, куда деваться!

Иногда, когда ехали в машине и радио слушали, а там какая-нибудь песня про любовь, «Опустела без тебя земля» например, у Нади от волнения в горле перехватывало. Бросала она взгляд на мужа и мечтала, что посмотрит он сейчас на нее нежно, возьмет за руку и чуть сожмет ее пальцы.

И им обоим станет понятно, что они друг для друга значат. Можно и без слов – и так понятно, даже если просто взгляд и ладонь в ладонь.

Нет. Не было этого. Взгляд ее он чувствовал, а вот головы не поворачивал. Только брови хмурил и губы поджимал – сразу видно, что раздражался.

Надя вздыхала и смотрела на дорогу – так, значит, так. Несентиментальный человек – вот что это значит. И больше

ничего.

А то, что называется интимная жизнь, с Наденькиным-то опытом... Откуда ей было знать, как и что в этой самой интимной жизни бывает! И с подружками на эту щекотливую тему она, разумеется, не разговаривала. А с мамой – тем па-че.

Правда, когда видела в метро или в театре, как мужчина держит спутницу за руку, или поправляет ей воротничок на платье, или просто смотрит на нее, екало в сердце, ныло как-то тревожно.

Не было у нее ничего подобного. Ни разу в жизни не было. Обидно, а что делать? Было чем себя утешить – такого мужа, как у нее, еще поискать: верного, порядочного, непьющего. Сколько бы ей позавидовало женщин! А она разнюнивается, сопли распускает. Корила себя, стыдила.

Мама однажды спросила:

– Любишь его, Наденька?

А она споткнулась на ответе, задумалась. Минуту всего, а мама вздохнула, да так тяжело...

И тихо сказала:

– А я так и думала.

Надя тотчас спохватилась и даже на маму накричала.

– Думала? О чем таком ты думала, позволь спросить? Нет, давай уточним! – горячилась она.

Тихая мама обиделась и всплакнула.

А Наденька на нее еще долго злилась, почти целый месяц.

А потом подумала: не на себя ли она злится? А может, на Гришу? Или вообще – на жизнь?

Еще Надя наблюдала потихоньку за мужем – реагирует ли он на красивых женщин? Нет, ничего похожего. Можно спать спокойно. Головой, как петух, вслед красавицам не крутит, взгляды исподтишка не бросает, на пляже стройных красоток не отслеживает.

А однажды в санатории в Хосте за их столиком в столовой оказалась одна такая активная дамочка, полковничья жена Виолетта Семеновна. Стройная не по годам, талия, грудь – ну Мэрилин Монро просто. «Бабетта» вполметра на голове, «стрелки» до ушей, помада фиолетовая. Видно за версту – полковая Мессалина. К вниманию привыкла, как солдат к побудке.

В столовую заходит лебедью белой – плывет между столиками, как танцовщицы из «Березки». Духами разит за версту. Вот так соседка досталась – даже сердце у Наденьки тоскливо заняло.

И глазами эта Виолетта шьет, как машинка «Зингер», и смехом хрустальным заливается:

– Григорий Петрович, ах, салатик передайте, если, конечно, не трудно! Хлебушка белого пару кусочков будьте добреньки! Мне, знаете ли, что черный хлеб, что белый... Без разницы! С моей-то конституцией!

Обращается только к Грише, Нади за столом вроде как и

нет.

И все балаболит, балаболит без остановки – и про погоду, и про персонал, и про танцы ежевечерние. А Гриша только лоб морщит. И еще губы кривит. Видно, что осточертела ему эта мадам – дальше некуда. Даже за соседний стол хотел пересесть. Надежда остановила – сказала, неприлично. Слишком явно как-то.

Так и мучился весь срок, гримасы корчил. Торопился поскорее поесть и из столовой убежать.

Потом до этой Виолетты дошло – обиделась даже.

– Нелюбезный вы какой-то, Григорий Петрович! Не умеете с дамами обращаться! И как жена ваша вас такого терпит!

Гриша руками развел:

– Ну уж какой есть! Простите великодушно!

А Наденька даже рот открыла, чтобы эту хамку осадить, да не успела – муж ее за руку взял и быстренько из столовой увел.

Впрочем, кукла эта пустая, Виолетта, не показатель. Была еще у Наденьки в молодости подруга, Тая Стукалина. Вот уж где имелись красота природная и ум – два в одном. Таечка эта была похожа на молодую Марину Влади – белые волосы по плечам, высокие скулы.

Молчаливая, тихая, а видно, что в глазах огонь. О такую опалиться раз плюнуть – так хороша и непонятна как-то. Что у нее на сердце, какие страсти?

Таечка поэзией увлекалась – Ахматовой, Блоком. Стихи

читала тихо, вполголоса, а пробирало до основания, до слез. Да и сама писала стихи – очень неплохие, кстати, стихи.

Гриша тоже слушал. А потом встал и сказал:

– Спасибо. Хорошо читаете. А сейчас – извините, дела. – И ушел к себе в комнату.

Однажды даже Ленка-беленькая на очередных поминках многочисленной Гришиной родни Наде шепнула:

– А у Гришки твоего, часом, все ли в порядке по мужской части? Или вывеска одна?

– Это, видно, у тебя не все в порядке, – грубо ответила негрубая Надя. – Ты ведь без мужа, кажется, лет пять уже? Или больше? – ехидно уточнила она.

Ленка дернулась и побледнела.

– Оперилась пташка, дерзкая стала, – прошипела она и больше к Наде не подходила.

Впрочем, были пару раз у Нади сомнения, были. Именно сомнения – не подозрения. Уже хорошо.

Уезжал иногда муж Гриша. Уезжал внезапно и резко. Она уже ужин подогревала и на часы посматривала, а он ей из автомата звонил с вокзала – слышно голос диктора, что время прибытий и отправлений объявляет. Муж коротко так бросал:

– Мне надо уехать, Надежда. По срочным делам. Дня на три или на два – как выйдет. Срочная командировка.

Слышно плохо, она в трубку кричит:

– Что-то случилось, Гришенька? К чему такая срочность?

– Все нормально, – весь ответ. И короткий зуммер в трубке.

Чего греха таить – искала по карманам билеты, искала. Хоть какие-нибудь доказательства. Ничего. Ни билетов, ни каких-то записок. Куда, зачем? И к кому – вот главный вопрос.

Возвращался Григорий, правда, на следующий день – почти всегда. Злой, раздраженный. И еще – задумчивый. Зашла однажды в его комнату – со стуком, как положено, а он стоит у окна – как окаменел. Даже на нее обернулся спустя пару минут. У Нади тогда сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Посмотрел на нее так... Словно она пыль под ногами.

А она – ни одного вопроса – ни-ни.

– Есть будешь, Гришенька? Я уже щи подогрела.

И еще было – квитанцию она в кармане его пиджака нашла. Перед химчисткой карманы вывернула. А там квиток о почтовом переводе на сумму тридцать рублей. Серьезная сумма. Получатель – какая-то Э. Минц. Или какой-то? А адрес – город Калуга. Кто этот Минц? Раньше она про такого не слышала. Или – такую?

Две ночи не спала и все-таки решилась. Показала мужу квиток и задала естественный для любой женщины вопрос.

Он смутился и даже покраснел – чуть-чуть. Сказал резко:

– Родственник. Бедный и одинокий. Иногда... Иногда, – повторил Григорий Петрович, слегка повысив голос, – я ему помогаю. И на тебе, кстати, это никак не отражается, заметь!

Ни на тебе, ни на дочке! А по моим карманам впредь прошу не лазать! Убедительно прошу! И в вещах моих не копать-ся! – Голос его совсем окреп.

Надя тихо залепетала – да не копалась я, Гриша! Просто пиджак перед чисткой...

А через неделю муж принес ей путевку в Германию – на работе выпросил.

Как извинился, что ли. И как на такого мужа обижаться? Грех, одно слово.

В ГДР она, разумеется, поехала. Поездка была интересная, насыщенная. По музеям, городам – всю Восточную Германию проехали. И подруга у нее там появилась – первая, с кем она о жизни своей и тревогах поделилась – так вышло.

Долго этот Минц не давал ей покоя, много месяцев. А новая знакомая оказалась женщиной мудрейшей – за спиной три брака, и все счастливые, смеялась она.

– А что же вы тогда от хороших мужей уходили? – удивилась Надя.

– А следующий лучше предыдущего оказывался, – опять смеялась новая приятельница.

Звали ее Эра Львовна. Было ей за пятьдесят, и работала она экскурсоводом в Музее революции. Говорила, что всю жизнь «брешет про героев Октября». На языке язвы должны появиться от такого вранья.

Про почтовую квитанцию для загадочного Минца она Наде сказала так:

– Забудьте. Скорее всего, это и вправду бедный родственник. Или приятель. Может, жалость. А может – долг. Кто знает? Такие закрытые и суровые люди, как ваш Григорий, часто оказываются в душе людьми трепетными и сентиментальными. А если это и грешки юности – так и бог с ними. Каждый человек имеет право на тайну. И вы, Наденька, тоже.

– Какие у меня тайны, – удивилась она. – Вся моя жизнь – как на ладони.

И почему-то успокоилась. Бог с ним, с этим Минцем. Откровения действительно не для ее мужа. Да и какая жена обрадуется, что от семьи отрываються деньги?

* * *

Однажды Григорий ей сказал:

– Спасибо тебе!

Она подумала, что про холодец, который он обожал. Заглянула в холодильник – лоток с холодцом был не тронут.

Она позволила себе уточнить:

– За что, Гриша?

– А за то, что жить не мешаешь! – ответил он.

Она тогда села на стул и полчаса не вставала. Даже молоко из кастрюли выкипело и запеклось коричневой коркой на новой плите. А запах стоял! Ну понятно – когда молоко убегает.

«Сомнительный комплимент, – подумалось ей. – Очень

сомнительный». Можно долго переживать и искать в этом глубокий смысл. А переживать не хотелось. Так же, как и уточнять: «В смысле?»

И она выкинула эту фразу из головы. Не сразу, но выкинула. Пусть лежит на задворках вместе с этим самым Минцем – тю-тю!

Долго потом вспоминала наставления туристической подруги Эры: «Живи веселей! Неприятности сами в ворота постучат, без твоей помощи!» А сколько потом она удивлялась Гришиной сердечности и порядочности!

Когда заболела мама, устраивал в лучшие клиники, говорил, чтобы денег ни на что не жалела, ни на врачей, ни на лекарства. И похороны мамочкины обставил: гроб, отпевание, поминки в кафе. Потом памятник – камень выбрал не из дешевых, ограду кованую. Ни на чем не экономил.

Заставил Надю шубу пошить каракулевую – коричневую, которая была в два раза дороже заезженной черной.

И дочке – все самое лучшее. Джинсы, магнитофон, сапожки итальянские.

Правда, расстроила его Любаша – институт бросила и замуж выскочила. Но он слова не сказал – не попрекнул ни разу.

А Надя видела, как муж страдает, что единственная дочка неучем осталась и сразу замуж – да еще и за иностранца.

Правда, сказала ему:

– Не печалься, Гриша! Там, за границей, жизнь сытней и

проще! Пусть ей будет полегче!

Он тогда взглянул, как полыхнул:

– Ты, Надя, дура! – В первый раз обозвал! – Там хорошо, где нас нет. А что внуков своих будешь видеть раз в пятилетку – об этом ты подумала? Считаю, что нет у тебя теперь ни дочери, ни внуков.

А ведь прав оказался! И легко Любаше не было ни одного дня! Ни одного! Поняла – везде простому человеку несладко, если ты не богач.

Да и про внуков она думала. Когда их увидит? Впрочем, Любаше было совсем не до детей – самим бы выжить и выстоять. Что ж получалось? Никакого рая там, за границей, нет? Выходит, так. Надежда даже начала уговаривать дочку вернуться. Та ни в какую:

– Что ты, мама? О чем говоришь? Лучше будем биться за кусок хлеба там, чем у вас, в России.

Так и написала – «у вас». Поняла Надя, что о возвращении и говорить нечего, не вернется дочь.

Григорий Петрович болел долго, почти восемь лет. Всю жизнь прожил крепким мужчиной, даже простудами не болел. А после пенсии весь посыпался. Все и сразу – гипертония, язва, артрит и прочие прелести. Надя тоже стала прибавлять, но было не до себя. Муж стал требовать такого внимания и такой заботы, что даже не оставалось времени измерить себе давление.

Теперь он стал требовать строжайшей диеты, прогуливал-

ся в парке по часам, спать укладывался в десять вечера. Не забывал и про дневной сон. Давление мерил по десять раз на дню. Надя только и слышала пикание аппарата.

Сначала посмеивалась, а потом стала раздражаться. Один раз не сдержалась:

– Ну, что ты, ей-богу!

Муж обиделся и весь вечер с Надей не разговаривал. И язык свой она опять прикусила – нельзя с ним так. Такой вот сложный человек ее муж.

Два раза в год Григорий Петрович ложился в больницу – на обследование. Врачами был всегда недоволен – нет должного внимания. Одна врачиха, довольно, кстати, милая женщина, посоветовала ему заняться делом.

Он возмутился и опять обиделся (в том числе и на бедную и ни в чем не повинную Надю):

– Каким таким делом? Я всю жизнь работал! Пахал как проклятый. А сейчас, на пенсии, когда я стал инвалидом, меня в чем-то смеют попрекать?

– Ну, какой вы инвалид, Григорий Петрович? Это сильное преувеличение, – вздохнула врачиха и с жалостью посмотрела на Надю.

Надя свои проблемы от мужа скрывала – как и всю жизнь скрывала свои печали и горести. Однажды случился гипертонический криз. Пришлось вызвать «Скорую». Предлагали больницу – она написала отказ:

– Как я мужа оставлю?

Врач возмутился:

– А что, он у вас неходячий? Или незрячий, может?

Надя прижала палец к губам:

– Тише, пожалуйста, тише!

«Скорая» уехала, и она через десять минут поднялась и поплелась на кухню готовить мужу ужин.

Ужин он съел молча и с обидой сказал:

– Как ты меня расстроила! Даже голова разболелась!

И Надя поняла – будет помирать, а «неотложку» не вызовет. Ляжет тихонько и просто закроет глаза.

Правда, жаловалась дочке в письмах. А та отвечала: «Гони его, мама, на работу. Ну хоть гаражи во дворе сторожить. Или в магазин пусть шастает, на рынок».

Про работу Надя, естественно, говорить не посмела – даже намеком. А в магазин сходить попросила. Крику было! И про артрит, и про радикулит, и про давление. Она лепетала что-то в свое оправдание и рот свой закрыла уже навсегда.

А Григорий Петрович как накликал – и вправду заболел серьезно. Сделали операцию, и уж после нее... Что там говорить. После операции он себя заживо закопал.

Вставать почти перестал, даже ел в кровати.

Онколог сказал:

– Нужна воля к жизни. А у него ее нет. Ни желания, ни мотивации. Сколько протянет – неизвестно. А мог бы прожить еще немало.

Последние два года были совсем тяжелые – истерики, ка-

призы, обиды.

Надя даже к психологу пошла. Та (идиотка!) посоветовала ей почаще уходить из дома, купить себе новое пальто и туфли на каблуках. И разумеется, не бросаться к мужу по первому зову.

Все это было такой чушью, что Надя рассмеялась ей в лицо:

– Господи! И что такое вы мне советуете!

Ушла, не попрощавшись. Только деньги на стол положила.

Хорошо, что онколог Гришин выписал ей снотворное. Стала хоть спать по ночам – пусть тревожно, некрепко.

За неделю до смерти Григорий Петрович попросил показать ему альбом с семейными фотографиями. Она принесла его – кстати, довольно тощий. Фотографироваться семейно муж никогда не любил. Пара свадебных снимков, пара снимков «на югах», еще несколько прибалтийских. Ее карточки из той поездки в Германию и остальные – Любашины: детство, школа, выпускной, свадьба в болгарском ресторане «София».

Муж долго и внимательно рассматривал старые фото, задерживаясь взглядом на тех редких, семейных. Вертел в руках ее «немецкие» снимки. Вдруг стал подробно расспрашивать про ту давнюю поездку. Она посмеялась:

– Ничего уже почти не помню, Гриша!

А он тихо сказал:

– А я помню. Ты тогда все только мне и Любе привезла. Себе – ничего. А я еще долго носил и рубашки, и галстуки. И свитер синий в серую полоску обожал. И ботинки черные.

– Ну и на здоровье! – улыбнулась Надя. – Значит, с душой покупала!

Муж внимательно посмотрел на нее и тихо сказал:

– Спасибо. То, что с душой, – определено.

Надежда погладила мужа по бледной, заросшей щеке, и он впервые не дернулся, не мотнул головой и даже задержал ее руку в своей.

– Спасибо, что с душой, – задумчиво повторил он и отвернулся к стене.

Она тихо вышла из комнаты. Села на кухне и заплакала. Не от обиды – от нежности и от того, что все поняла: скоро она останется совсем одна.

И расценивала она это не как освобождение или облегчение, а как большое, огромное и очень страшное горе.

* * *

После похорон и поминок – пара ее приятельниц-пенсионеров, пара Гришиных родственников во главе со все той же Ленкой-беленькой и Женя, соседка по лестничной клетке, всегда готовая прийти на помощь, – Надя почти три месяца не выходила из дома, и Женя покупала ей продукты – хлеб, молоко, масло, сыр. Иногда, краснея и извиняясь, приносила

кастрюльку бульона или еще теплых блинов.

Надя благодарила ее и не отказывалась – зачем обижать хорошего человека. Бульон и блины съедала, совсем не чувствуя вкуса. Тупо глядела в экран телевизора или в книжку, совершенно не понимая, о чем идет речь.

Потом постепенно взяла себя в руки. Куда ж деваться! Жизнь продолжается! Банально, но факт.

Стала писать дочке подробные письма, полные воспоминаний – а помнишь, Любашка?

После каждого письма дочка сразу же отвечала тревожным звонком. Голос ее был обеспокоен и растерян.

– Чем же я могу помочь, мам? – почти плакала она. – Нам тут тоже, знаешь ли, не сладко!

Надя перестала писать длинные письма – к чему тревожить дочь? И вправду, чем та ей может помочь на таком расстоянии?

Продала машину и гараж – за копейки, а все равно деньги. Все до копейки выслала Любаше. Та обрадовалась и сообщила, что они наконец поменяли машину.

– Может, продашь дачу? – спросила дочь. – Тебе, наверное, тяжело на нее без машины ездить?

Дачу продавать не хотелось. На дочку обиделась – так, слегка. На письмо это не ответила, и больше Люба эту тему не поднимала. Ума хватило.

Надя попыталась находить что-то приятное в своей свободе и одиночестве. Например, то, что можно наконец поваляться по утрам в постели – за всю свою жизнь. Не стоять у плиты, не бежать, как заполошенная, на рынок и в магазины – почти ежедневно. Свежий кефир, сегодняшний хлеб.

Кефир она не любила, а хлеб не ела. Можно прилечь и после обеда (чашка кофе и кусочек сыра. Счастье!). Потом, не вставая, щелкнуть пультиком и посмотреть ток-шоу. И никто не скажет: «Как ты можешь смотреть такую чушь!» Вечером можно сварить пельмени, и никто не осудит за то, что она польет их сметаной и присыплет черным перчиком.

Можно разбросать в комнате колготки и лифчики. Можно не закрыть тубик с зубной пастой. Можно не пылесосить и не вытирать ежедневно пыль!

Можно, можно, можно... Сколько всего стало можно! То-го, что всю жизнь было нельзя!

Может, это и есть свобода?

Только какой ценой...

За месяц своей свободы Надя наотдыхалась выше крыши – так, что стало тошно. Решила заняться Гришиным памятником. Съездила в гранитную мастерскую, договорилась.

Купила новые сапоги – необходимость, не прихоть. Схо-

дила в парикмахерскую, привела в порядок голову – краска, стрижка. Впервые сделала маникюр. Педикюр почему-то постеснялась.

Загорелась переклеить в квартире обои. Соседка Женя предложила своих маляров – недорого и прилично. Присмотрела на рынке люстру – старая совсем пришла в негодность. Безобразие, а не люстра. А муж менять не хотел. Он привыкал к старым вещам.

Он ничего не хотел менять. Ничего. Стыдно сказать – кухонной мебели двадцать с лишним лет, ремонт делали до Любашиного рождения. Людей в дом позвать было неловко. Впрочем, каких людей... Людей в их доме не бывало.

Да! Еще надо бы выкинуть хлам, которого накопилось за долгую жизнь столько...

«Наверное, так у всех», – подумала Надежда, забравшись на стремянку и распахнув дверцы антресолей. Божечки мои! Выцветший рулон обоев. Старые лыжные ботинки. Эмалированное ведро без ручки. Помятый алюминиевый таз. Любашин школьный портфель. Крышка от кастрюли. Пожелтевшая и свалявшаяся вата, которой они сто лет назад прокладывали рамы между стеклами. Две старые потертые сумки. Гришины пиджаки и ботинки. Дочкины санки. Кипа газет и перестроечных «Огоньков» – муж не разрешал их выбрасывать. Мешок со старой пряжей. Банка из-под краски и еще банки, банки, банки. Ящик с елочными игрушками.

«Нет, – решила Надя. – Так наверняка не у всех, а только

у таких нерадивых хозяек. И еще – у таких Плюшкиных, каким был мой муж. Стыдоба, да и только».

Хорошо, что на подмогу не позвала Женю – а ведь была такая мысль! Вот бы тогда точно стыда не обобралась!

Надо все достать, скинуть. И, ничего не разбирая и ни в чем не ковыряясь, все – на помойку! Вынести к ночи, чтобы никто не видел! Да! И завтра купить на рынке черные пластиковые мешки, чтобы все в них и все сразу!

Надя вздохнула и уже собралась сползать со стремянки, как вдруг увидела пластиковый пакет с яркой надписью «CAMEL» и верблюдом. Она потянула его к себе и сбросила на пол.

Кряхтя, осторожно спустилась с лестницы (кто за ней будет ухаживать, если, не дай бог, что), присела на коридорную банкеточку и взяла в руки пакет с жизнерадостным верблюдом.

Из пакета выпала связка писем, плотно и аккуратно сложенная и перевязанная бельевой веревкой. У нее почему-то сжалось сердце и тревожно заныло где-то внутри, на уровне грудины.

Конверты были старого, советского образца, трухлявые и пожелтевшие. Надя поднесла их к лицу и увидела знакомую фамилию. Ту, что не давала ей покоя и тревожила ее много лет. Ту, о которой она помнила всю жизнь. И, наверное, что-то чувствовала – дальним, точным и безупречным женским чутьем.

Получателем корреспонденции значился тот самый Минц.

То ли от нехорошего предчувствия, то ли от того, что она спустилась с лестницы, закружилась голова, и перед глазами поплыли бурые пятна.

Дрожащими руками Надя принялась сдирать аккуратно (чувствовалась рука мужа) завязанную на нелепый бантик веревку.

Веревка, как назло, зацепилась за углы конвертов и слегка их надорвала.

Надя бросила бечевку на пол и от нетерпения первый, верхний конверт разорвала. Буквы плясали и расплывались. Она встала и пошла за очками. Долго искала их на кухне и в комнате и все никак не могла найти. Наконец, чуть не заплакав, увидела их на обычном месте – на кухонном столе. И как она могла их не заметить? Нелепость какая-то! Усевшись теперь в кресле в комнате, она, пытаясь унять противную дрожь в руках и ногах, глубоко вздохнув, снова взяла в руки письмо.

Ну вот. Снова здорово. Просто смешно, как ты пытаешься оградить себя от неприятного. Твои действия подтверждают наши предыдущие разговоры – всю нашу жизнь.

Ты не хочешь ничего слушать и ничего знать – того, что может разволновать тебя или расстроить. Избегаешь то-

го, что всегда называла нежелательными эмоциями. Того, что может лишить тебя покоя или, что значительно хуже, – испортить тебе настроение.

В который раз – дурак! – я снова удивляюсь этому. И еще – снимаю шляпу перед твоим постоянством. Ничего – ничего! – не смогло переделать тебя! И за одно это ты достоин уважения (не ищи иронию в моих словах).

Не попрекаю – ни-ни! Восхищаюсь твоей непробиваемости.

Ладно, мои, как ты всегда говоришь, нравоучения наверняка опять мимо.

Итак, ты пишешь, что И. не желает с тобой иметь дел – никаких. Считаешь это для себя оскорбительным. Разумеется, с такой персоной, как ты, так обходиться не имеет право никто. Даже он.

Ну призадумайся – ты же человек неглупый и иногда вполне вменяемый.

И. не хочет иметь с тобой дела по весьма определенным причинам – он только что наладил свою жизнь. Расставание ваше было весьма непростым, если не сказать тяжелым. Тому, чем ты его попрекала, я, как человек опытный, не удивляюсь. А вот его растерянность вполне понимаю (помню себя в первые годы нашей жизни).

Ему бы успеть прийти в себя и не рухнуть в инфаркт, а тут снова ты. Денег у него, видимо, нет. Семья требует расходов, да и дела его, думаю, уже не так хороши. Не забы-

вай про его больного сына – тоже расходы, от которых он никогда не отказывался, как бы ты ни старалась контролировать и это.

Ты утверждаешь, что денег его тебе не надо, – позволь не поверить. Но даже если это и так – не все люди считают, что после кровавого развода надо пытаться оставаться друзьями! Таких дураков, как я, не так много на свете, уж ты мне поверь!

Звонки его жене – вот уж полная глупость! Как ты не понимаешь, что такой ход разозлит его еще больше?

Опять буду давать совет – нудеть, как ты говоришь. Прекрати его домогаться! Я ведь знаю, что тебе надо: признание, что только с тобой он был счастлив. Что его новая жена скучна и обыденна (после тебя, разумеется!). Что он хочет вернуться. Хочет, но не может. Тебе нужны его слезы, раскаянье, признание его неправоты и ошибок. И еще признание в неземной любви. Причем его «валяние» у тебя в ногах нужно непременно неоднократно – минимумом ты не насытишься ни за что. Пусть походит полгода, а там уж пинком за дверь навсегда. Как было с М. – когда начались цветы, цветы, и проч., ночевки на коврике подле твоей входной двери, – тебе быстро наскучило, и ты вызывала милицию.

Или с Иловайским – он далеко не дурак, понял сразу – гарантия его спокойной жизни без тебя – ежемесячный конверт в почтовом ящике.

И еще – скука, скука, – собственно то, что всегда было самым страшным в твоей жизни. Любыми путями, любыми средствами – только не это!

Кстати, надо бы успокоить И. – как только появится новый претендент на твое сердце, ты от него отстанешь!

Ладно, читать морали тебе – нет занятия более глупого и расточительного.

Все-таки я большой дурак, ты права. Потому, что еще продолжаю нудеть и надеяться, что это письмо ты внимательно прочтешь.

Я не приеду, как ты просишь. Причин много, подробности тебе ни к чему. То, о чем ты просишь, тоже сейчас невозможно. Дочке нужно купить путевку в лагерь на море, желательно на два месяца, так что довольствуйся тем, что есть, – увы!

Умерить свой аппетит не советую – глупо и смешно. Всё. Будь здорова – хотя бы.

Г.

Надя перечитала письмо. В голове было пусто и гулко, как в пустом жестяном ведре. Руки безжизненно упали и повисли, как плети. Письмо, выпавшее из рук, валялось на полу.

Сколько она просидела так, не двигаясь, уставившись в одну точку, она не заметила. Потом словно очнулась. Побрела, шаркая тапками, как старуха, на кухню и выпила воды из-под крана – чего раньше никогда не делала.

Москвичи давно не пьют проточной воды. Потом она опустилась на табуретку и опять словно застыла. Точнее – окаменела. Дверь из кухни была раскрыта, и она увидела пакет с верблюдом на полу в коридоре.

Она встала, вышла в коридор, тяжело нагнулась и подхватила оставшуюся пачку писем.

– Что ж, продолжим! – сказала она почему-то вслух и усмехнулась.

Теперь она расположилась в кресле – уютно и удобно угнездилась, включила торшер, нацепила на нос очки и открыла второй конверт.

Эва, Господи! Ну, сколько можно так издеваться над собой! Вспомни, сколько хорошего было в жизни – в нашей и в твоей дальнейшей, без меня! Ты проживала ее, жизнь, так, как сама, собственно, и придумала! И у тебя это отлично получалось! Я не обвиняю тебя – ни в коем случае! Каждый волен распоряжаться своей судьбой, ради бога! Я пытаюсь убедить тебя только в одном – не надо так драматично переживать свой возраст. Ты – уверяю тебя – женщиной, а не старухой или теткой останешься всегда. Ну или тебя станут называть дамой. Не товарищем, не гражданкой, не мадам и уж точно – не бабушкой.

Все – увы – стареют, милая моя! Никому не подвластно остановить этот процесс. Главное, чтобы было здоровье и силы, а этого у тебя вполне. И желания! Вот здесь я тоже

не волнуюсь – желать чего-нибудь ты будешь всегда. Да и слава богу! Пока есть желания – жив человек.

Держись. Не страдай на пустом месте. Твои незначительные, возрастные хворобы (уж прости) – совсем не трагедия.

Пей таблетки от давления – по чуть-чуть, но каждый день. Я говорил с В.В. – ты его помнишь по Первой градской. Терапевт он приличный, и советы его игнорировать не стоит. Адельфан на ночь по полтаблетки. И корвалол – если начинается тревога. Всё! И успокойся! «Скорую» больше не вызывай – смешно! Побольше гуляй и поменьше смотри свой дурацкий телевизор.

Ну, по поводу курева – разговор бесполезный, и я его не начинаю. И по поводу твоих тортиков и шоколадок тоже молчу – заметь.

М.б., удастся приехать на майские. Постараюсь вырваться.

Держи хвост пистолетом!

Г.

P.S. Перевод вышлю чуть позже, но чуть больше – это тебя утешит (будет премия) и купишь себе «те самые австрийские сапоги».

Она отложила письмо. Вспомнилась фраза соседа по даче Матвеича – «Хорошие дела!».

Хорошие дела, по-другому не скажешь.

Теперь все вставало на свои места – ну, или почти все. По крайней мере, ясно, что Э. Минц – бывшая дама его сердца. Или, скорее всего, та самая первая жена, о которой Надя знала совсем немного: «Да, был женат в глубокой и наивной молодости, брак не сложился, детей не было, и, собственно, все. О чем говорить?»

Это были его слова в тот день, когда он сделал Наде предложение *руки*.

Надя ничего тогда не спросила – все понятно, достался он ей не юным мальцом, а зрелым мужчиной. Первый свой брак не скрыл – в чем его она могла заподозрить? Про бывшую жену никакой информации не было – вполне понятно, он не из болтливых, она не из любопытных. Хотя – что скрывать – она женщина, и это ей было, конечно, интересно. Но не настолько, чтобы пытаться мужа или тем более Ленку-беленькую.

Пытаясь все это осознать и переварить (вот поди так сразу и попробуй!), она поняла, что было здесь болезненнее всего.

Не то, что обнаружилась ложь. Или правда? То, что он продолжал общаться с этой Минц. В конце концов, можно только уважать людей, сохранивших приличные отношения после развода. И не то, что он высылал той регулярно деньги, – семья от этого не страдала. И не то, что он не рассказал об этом жене, – тоже понятно: начнутся обиды, расспросы, попреки.

А то, что он *баловал* ее! И был в курсе ее желаний – новые австрийские сапоги.

Никогда! Никогда она, Надя, его жена и мать его единственного ребенка, не морочила ему голову подобной ерундой!

Сапоги покупала – кстати, те самые австрийские, замшевые, мечта всех советских женщин, у нее тоже были. Денег на все хватало – не в этом дело.

Впрочем, была она не из франтих и в желаниях своих оставалась довольно скромна. Но ей и в голову бы не пришло рассказывать ему какую-то чушь про устойчивый каблук, теплую подкладку и удобную молнию спереди.

Она хорошо запомнила, как однажды, на заре их брака, задумав сшить пальто, в польском журнале нашла понравившийся фасон и показала мужу. Он сморщился, как от зубной боли, и внятно объяснил, что в этих делах полный профан – ни в ткани, ни в модели ничего ровным счетом не понимает. И убедительно просит ее с подобными вопросами к нему не обращаться – есть мама, подруги, соседки и прочее, прочее.

Далее – его слова, – где лежат деньги, она тоже в курсе. Она хозяйка, и ей планировать семейный бюджет. Когда шить пальто, когда покупать холодильник и когда поменять обивку на диване. Это – ее дела.

– Все ясно? – поинтересовался Григорий Петрович.

Ясно. Всё. Надя кивнула и вышла из комнаты. Конечно, было обидно. И слезы душили.

Потом поговорила с мамой – та утешила:

– И слава богу, что в эти дела не лезет! А сколько мужиков

контролируют каждую копейку! За любую покупку вынимают душу! И бедные тетki изворачиваются, как могут. Выкраивают, врут, отрывают бирки, выбрасывают чеки и прячут новые вещи. Не лезет – скажи спасибо. Настоящий мужик, честь и хвала. И еще – радуйся, что не достался тебе сквалыга и зануда.

Ну, насчет зануды... Или назвать ее мужа можно было не совсем так?

Ладно, смирилась и с этим.

А советы, которые он давал той женщине? Что есть, как гулять и смотреть на окружающий мир. Он, ее скупой на слова, жесткий, совсем несентиментальный Гриша, утешал, подбадривал, поддерживал и давал сердечные советы.

Ему было *интересно*, чем живет та женщина и какое у нее настроение. А про медицину? Ну это вообще запредельно! Муж, с которым Надя прожила большую половину жизни, никогда – никогда! – не интересовался ее здоровьем! И если случались у нее болезни или недомогания, был очевидно недоволен и старался уйти от этих разговоров или вообще – чаще уходил из дома. Она понимала: больная, она его раздражает. Вот поэтому, как только поворачивался в замке ключ, она вскакивала с кровати, поправляла волосы, подкрашивала губы и тут же, нацепив на лицо жалкую улыбку, бросалась в коридор, чтобы его встретить. Как всегда – в настроении приятном и легком.

Однажды разыгрался такой радикулит, что соскочить с

кровати она, как ни старайся, не могла. Даже извинилась перед мужем за свое нелепое положение. Любашка тогда встала на хозяйство и под Надиным четким руководством сварила куриный суп и прокрутила котлеты. Все получилось, разумеется, – невелика наука. Но дочка отцу не «подала» – торопилась в кино. А жена лежала. Еще теплый суп он, слегка морщась, съел. А вот котлеты разогреть не стал – пожевал колбасы.

Ладно, не беда. Никто с голоду не помер. Ни слова недовольства он ей не сказал. Только открыл дверь в комнату и спросил:

– Ну, что говорят врачи?

Не «Как ты себя чувствуешь?», а «Что говорят врачи»? Понятно – его интересовало, когда она встанет и все окажется снова на своих местах. А радикулит был сильнейший, и невропатолог из поликлиники даже предложил больницу. Какое! Конечно, она отказалась! Вызвали какого-то частного врача, тот сделал блокаду, и она поднялась. А чего все это ей стоило, не знал никто – ни дочка, ни мама, ни уж тем более муж.

И гипертония у нее была! Только вот не позвонил Гриша таинственному В.В. – «приличному специалисту из Первой градской». Не позвонил. И консультации не попросил.

А позже, когда гипертония настигла и его самого, в лекарствах разобраться и не подумал – какие там адельфаны или корвалолы! И слов-то таких она от него не слышала. Таблет-

ки раскладывала по трем розеткам для варенья – утро, день, вечер. И рядом – стакан воды.

Далее. Премия. Никогда – надо быть честной – о деньгах она не думала: как бы сэкономить, допустим, на еде, чтобы собрать на море? Но разве не было бы ей приятно, принеси муж однажды эту самую премию, на которую она и не рассчитывала, и они бы решили сделать себе какой-нибудь подарок! Не из барахла тряпчного, нет! А, к примеру, внеплановую поездку – в Тбилиси или Ригу. Или хотя бы съездили в Святые горы, по Пушкинским местам, о чем Надя так давно мечтала. Или купили бы новую кухню. Или обшили дачный домик новомодной вагонкой.

Разве когда-нибудь и кому-нибудь были лишними деньги?

Да нет, не в деньгах дело. Совсем не в деньгах.

Дело в том, что Надина жизнь занимала его гораздо меньше, чем жизнь пресловутой Э. Минц.

И еще. Всю их семейную, супружескую жизнь он Надю обманывал. Лгал. Таился от нее.

Нет, скорее так – у него была еще и другая жизнь – тайная, скрытая от посторонних глаз. Полная событий, переживаний и сопереживаний – что больше всего.

Ну, что ж, продолжим. Теперь деваться некуда – надо пройти этот путь до конца. Сейчас – пройти. А дальше... Дальше попробовать во всем этом хотя бы разобраться. Некуда деваться, некуда.

Снова я. Пишу и вижу перед собой твое лицо. Так отчетливо, что даже не по себе. Точнее – гримасу на твоём лице. И опять недовольна. Опять недовольна?

Как щедро одарил тебя бог! Какую дал внешность! Сколько талантов! Как прекрасно ты рисовала! Как пела! Как танцевала! Какая грация была в каждом твоём движении! И всего женского тебе было отпущено столько, сколько хватило бы на сотню твоих соплеменниц.

И не дал самого главного – души. А вместе с нею – а это всегда вместе – сочувствия и сострадания.

Может, я зря укоряю тебя этим всю жизнь? Может, ты и вправду ни при чем? Так распорядилась природа. Разумеется, во всем должно быть равновесие – здесь много, а там – чуть-чуть. Или – совсем ничего.

И жалко тебя, жалко... Наверное, нужно все-таки жалеть тебя, а не себя, не И., не П., ни С.С. и не всех остальных, оставленных и покорёженных тобою на долгом жизненном пути.

Да и что мне до них? А за тебя по-прежнему болит сердце. Да как...

И чем мне тебе помочь? Правильно, ничем. Только тем, что придет к тебе на адрес раз в месяц по почте.

И самое главное – что больше тебе ничего и не надо! Вот в чем вся штука! И я это понимаю!

Теперь мне смешны твои волнения по поводу «спокойствия в моей семье». Я, разумеется, позаботился о своей

безопасности! Ключ от почтового ящика всегда у меня! Моя жена от природы нелюбопытна и тактична – никогда она не залезет в мои карманы и в ящик письменного стола. Тебя это удивляет? Как может женщина быть нелюбопытной! Нонсенс! А это так. К тому же она не читает газет, и почтовый ящик ей не интересен. Она в заботах: быт, дочка, работа. Ты права – здесь я исходил от «противного» – в ней должно быть то, чего в тебе не было. И наоборот. Это и есть работа над ошибками. И еще четкое понимание того, какая женщина мне нужна для жизни. Моя жена подходит по всем критериям, и в этом успех нашего брака. Она сдержанна, послушна, обучаема и... неприхотлива. Ей всего хватает. Она прилично ведет дом, она заботливая мать и верная(!) жена. У нас брак по договоренности, и это вполне нас устраивает.

Удовлетворяю твое любопытство и желаю тебе поскорее найти применение твоим способностям. История про клуб знакомств мне понравилась. Думаю, что это твое: с людьми, свежая история, возможны интересные коллизии, встречи и т. д. Надеюсь, что это не наскучит тебе уже на периоде становления. С Наташей будь ласковой и терпимей! Такого верного человека найти непросто! Помни об этом! Не говоря уже о том, что вынести тебя, моя милая...

Тожe труд. Будь здорова.

Г.

Значит, вот так... Брак по договоренности... Вот, оказывается, как... Вот как называлась ее жизнь длиною в три десятилетия.

Очень мило! Неприхотлива, нелюбопытна, заботлива, сдержанна, послушна, обучаемая – все прежние ошибки учтены.

Браво! Браво, Григорий Петрович! Вы не из тех, кто наступают на те же грабли! Вы все учли – до мелочей. Создали себе, так сказать, условия для комфортного проживания. Аплодисменты – у вас получилось. Так выбирают лошадей и собак. Ну или прислугу – ненавязчива, нелюбопытна, услужлива. Прошла с успехом испытательный срок и – оставили. А если бы нет? За борт? За порог? Не справилась – извини?

Да нет! Она, разумеется, все понимала – не дура ведь! Не было никакой неземной любви с его стороны – ни разу и ни на минуту! Человек устраивал свою жизнь. Но чтобы так... Так расчетливо, так хладнокровно. Так жестоко!

Своя рубашка, понятно... Но так наплевать на чужую душу! Так обойтись с живым человеком...

Она, наивная, думала, что ей достался просто сдержанный, немногословный, неспособный на комплименты человек. Просто сухарь. Ан нет! Вон как ее муж распыляется по поводу красоты и талантов мадам Минц! Просто трели соловьиные! И на советы не скупится, нет!

Да все правильно! Все она понимала – что не горит он пылкой страстью, не кипит его сердце, не вспыхивает его

глаз. Даже тогда, в молодости, в самом начале их жизни, когда она была еще молода. И их супружеская, тайная жизнь была пресна, как просфора. И книги она о страсти читала, и подружек слышала.

Или не так? Он ведь ей не врал о сумасшедшей любви и неземной страсти. Свои пожелания и требования оговорил на берегу. Был честен, значит. В быту строг, но не придиричив. Денег на нее не жалел. Дочку любил. Она видела и моря, и за границу. Шила шубы, покупала французские духи, стриглась у хорошего парикмахера. Продранные колготки не заклеивала лаком для ногтей, а выбрасывала. Продукты покупала на рынке – творог, мясо. Он не оскорблял ее, не напивался. Не контролировал ее встреч с подругами – ради бога.

Значит, она счастливая женщина? Выходит, что так?

Нет. Не так. Потому что ей врили всю жизнь.

Или она сама виновата – не хотела смотреть правде в лицо, сама все выдумала. «Я сама тебя придумала! Стань таким, как я хочу», – пела Эдита Пьеха, самая сказочная певица тех лет.

А как бы она прожила всю свою жизнь, не придумав всего этого?

Она бы просто свихнулась.

Всё, всё! Хватит! На сегодня точно. Или – вообще хватит? Выбросить все это к чертям! Сжечь и убедить себя, что все это ей приснилось? Жизнь прожита. Муж умер. Возможно,

мадам Минц тоже. Да это и неважно. Не было ее в Надиной жизни и нет сейчас.

К кому претензии? К покойнику? Что ж ты, Гриша, так оплошал? Всю жизнь сплошная конспирация, а про антресоли забыл! Или просто не до антресолей было в последнее время? Или, скорее всего, так – наплевать тебе, Гриша, было на меня! Как всегда, наплевать – и все. Найду, прочту – пошлешь подальше. Как всегда – не твое дело, не лезь, закрой дверь. Не обсуждается – и все. А если найду после тебя – так уж тем более наплевать!

Что я там подумаю, что почувствую, как буду жить с этим дальше...

Надя резко встала, швырнула письмо на пол и пошла на кухню. Взглянула на часы – три дня. Машинально достала из холодильника кастрюлю с супом – пора обедать. Дрожащими руками налила суп в тарелку и порезала хлеб.

Жизнь продолжается. У нее – точно. А что, собственно, случилось?

Она съела две ложки супа, совершенно не почувствовав вкуса, бросила ложку на стол и наконец расплакалась – так горько и так громко, как, казалось, не плакала никогда, даже в далеком детстве. Правильно – сдержанная, спокойная, уравновешенная, терпеливая. За что и ценили. За что, собственно, и «взяли». Вот так.

Да нет, не так. Слез было столько... Целая река. Вся ее

сдержанность, спокойствие, уравновешенность и терпение схлынули и унеслись в этом бурном потоке бесконечных слез. И в этом потоке закрутились ее обиды, горечь, боль и его отчужденность, равнодушие, ложь. Его предательство.

– Старая дура! – всхлипывала она, пытаясь унять свою истерику. – Жалкая, старая дура! Все в прошлом. Все. И никогда ты не проживешь другую жизнь. Никогда. Жизнь, где ты будешь любимой и единственной.

Надя открыла холодильник и достала початую бутылку водки. Она налила граненый стакан – почти доверху – и решительно поднесла ко рту. Поморщившись от едкого запаха, она зажмурилась и крупными глотками начала пить. Это было сущим испытанием – алкоголь она почти не выносила, пьянела от тридцати капель сердечной настойки, двух глотков шампанского, конфет с ликером. Муж говорил, что у нее, как у северных народов, отсутствует какой-то фермент, перерабатывающий алкоголь.

Силы духа хватило на полстакана. Она дошла до дивана и улеглась, накрывшись пледом.

Спать, спать. Спать. А дальше – посмотрим, как оно будет.

Проснувшись она в восемь вечера – за окном уже было темно. Пошатываясь, пошла на кухню – очень хотелось пить.

«Вот, – сказала себе Надя. – Напилась. В первый раз в жизни. В почтенном, надо сказать, возрасте. Хорошие дела».

Она долго пила воду, стоя у окна и вглядываясь в темную улицу. По улице мчались машины, и по тротуару торопливо шли пешеходы. «Домой, – подумала она. – Кончился рабочий день. Все торопятся домой. В уют, тепло, к родным людям. Согреют ужин и усядутся за столом. Будут обсуждать прошедший день, обмениваться впечатлениями, решать семейные проблемы и размышлять про день грядущий. Все, кроме меня. Мне не с кем обсудить прожитый день, пожалуй, самый тяжелый день в жизни. Не для кого греть ужин. Некого жалеть и не на кого раздражаться. Не с кем и незачем. Завтра будет все то же самое. Та же самая бесполезность жизни. Когда жить не для кого и незачем. Потому что одиночество. Вот почему.

Дудки! Не дождетесь! Ничто нас в жизни не сможет вышибить из седла! И тут в голову пришло неожиданное: «Надо взять собаку».

Когда совсем пусто, надо взять кошку или собаку. Лучше собаку – с ней придется гулять, и тогда в жизни появляется забота, а с ней и смысл. Сварить, выгулять, собрать шерсть, расчесать. Собака будет ждать хозяйку у двери и радоваться так, как не радовался никто и никогда.

Решено. Завтра она поедет на Птичий рынок и выберет собаку. Среднего размера – не моську карманную, не игрушку, нет – компаньона, как сейчас говорят. И не очень лохматую. Лучше гладкошерстную, да. С ними поменьше хлопот. И еще обязательно девочку. С девочкой как-то понятней.

Надя поддела тапкой пакет с верблюдом. Подняла с пола прочитанные письма и сунула их туда же. Может, выбросить? Сразу в мусоропровод, и дело с концом? Как ничего и не было. Типа «показалось». Призраки прошлого. А призраки тем и хороши: были – и нет. Одним, что называется, движением руки.

Надежда на минуту задумалась, взяла в руки пакет и открыла входную дверь. Между этажами сверкал начищенной дверцей мусоропровод. Дворничиха – таджичка Майсара очень хотела угодить обитателям столичного подъезда.

Надя сделала шаг вперед и остановилась, потом шагнула назад, в квартиру, захлопнула дверь. Решительно вошла на стремянку и засунула в открытую дверцу антресоли «верблюжий» пакет. Плотнo прикрыла дверцу, собрала стремянку, вынесла ее на балкон и только тогда успокоилась.

– С глаз долой, из сердца вон, – сказала она вслух и провела ладонью о ладонь, словно хотела очистить руки.

Потом ей захотелось есть, она сварила две сардельки и открыла баночку зеленого горошка, намазала черный хлеб маслом, включила телевизор и с удовольствием поела.

Вымыв посуду, закрыла кран и произнесла вслух:

– Вот так-то.

Сама не очень понимая, что это означает.

Потом она взяла любимого Чехова и до полуночи читала, пытаясь отогнать всякие мысли прочь.

Через два часа очень устали глаза и захотелось спать. Она

широко зевнула, отложила книжку и выключила свет. «Вот прямо сейчас и усну, – уговаривала она себя, – вот прямо сейчас».

Наивности ее не было предела – уснуть не удалось ни прямо сейчас, ни потом.

Итак, что произошло в ее жизни? Что случилось такого, от чего можно свихнуться? А ничего! Не любил ее муж – что за дело? Сколько людей живут в браке без всякой там любви! Миллионы. Разве она не понимала, что жену Григорий Петрович себе *подбирал*!

А то, что выбрал ее, – так это просто ее удача. С таким же успехом ему могла встретиться другая женщина. Тоже разумная, спокойная, тактичная и готовая принять все его условия. Григорий Петрович не искал жену среди юных красавиц – вполне разумно. Юные красавицы хотят любви, страсти и поклонения. Они хотят, чтобы служили им. Он искал спутницу жизни среди «просроченных» неудачниц, которым все – за счастье. Найти такую несложно – вокруг полным-полно неустроенных теток, готовых на все.

В обмен предлагалось – непьющий и порядочный муж, прекрасная зарплата, квартира в хорошем районе, машина, дача. Неплохой отец – не из тех, кто трясется над своим дитяtkом, не из тех, кто обмирает от счастья, а разумный, терпеливый, внимательный и нежадный.

И тысячи женщин, имеющих глупых, капризных, придиричливых, неверных, скупых и пьющих мужей, покрутили бы

пальцем у виска и сказали бы – дура! Нам бы твою жизнь! Или тебе нашу, всего на неделю! Вот тогда бы поняла, где раки зимуют!

И нечего притворяться и лгать себе – понимала ведь его «разумный подход»! И свой, кстати, тоже. И кого винить? Вيني себя! Ждала бы дальше неземной любви! Сидела бы тихонько и ждала. А ведь нет, все просчитала: и что не дождется той, «неземной». И что хорош собою. И что квартира, и зарплата. Так что их брак был взаимной сделкой, устраивающей обоих.

А то, что она мужа полюбила, так и слава богу, значит, везение.

А вот ему не повезло. Так кто несчастный? Правильно, он. Вот его и пожалеем. Ха-ха.

А что лгал... Так это вообще смешно! Лучше, если бы он докладывался? Так, мол, и так. Женился по расчету, тебя не люблю, а бывшую свою, ту, которая Минц, продолжаю «аба-жать» – уж прости! Несчастливая она, понимаешь? Красивая такая, таланты сплошные, вот с душой, правда, не сложилось – ну, так это не ее вина. Пожалеть только можно бедную. Может, вместе и пожалеем? Ты у меня женщина с понятием, добрая и жалостливая. Денег на добрые дела тебе никогда не жалко – как ближнему не помочь? Вот сапогам порадуетя австрийским – как у тебя, замшевым. Может, позволишь своей спекулянтке Зойке? Ты еще говорила что-то про

пальто дутое, финское? То, что почти невесомое? Может, а, Надюш?

Впрочем, нет, никаких «Надюш» не было и в помине. Никогда. «Надя», «Надежда», «Надежда Алексеевна» – с иронией. Ни одного ласкового, «дурацкого» слова, которые так обожают влюбленные. Никаких «рыбок», «заек», «малюток» и прочей ерунды. Никаких и никогда. Даже в самые жаркие моменты их жизни. Никогда – «Как это платье тебя украшает! Как эта помада тебя освежает! Как молодит тебя загар! Чудесная стрижка, симпатичные сережки, шикарные очки». «Надя! Подай!» – вот что она слышала. «Принеси! Отвари, завари, порежь. Погладь, почисти, отмой. Застели, протри, переставь, положи. Открой, затвори, унеси». Правда, «пожалуйста» добавлял всегда.

Уносила, заваривала, отпаривала и застилала. Получала всегда ровное «спасибо».

Не окрик, не зуботычину – не приведи бог! – «спасибо».

Вот и вам спасибо. За любовь и ласку. Которой, оказывается, никогда в ее жизни не было. Ни разу.

Нет! Нельзя, чтобы жизнь ее девальвировалась из-за этих дурацких «верблюжьих» посланий! Нельзя! Ее жизнь была...

Ее жизнь *была*. Точка.

И там, в ее жизни, был муж – приличный человек. Приличный и уважаемый. У них была – и есть, слава богу! – замечательная дочь. А еще квартира, дача. Семейные тихие

ужины. Шашлыки на даче, пионы у крыльца. Пирог с яблоками из своего сада. Отпуск на теплом море. Прогулки по набережной, пахнущей кофе из армянской кафешки, плеснувшим кудрявой пеной на камни жаровни.

Просторный номер, в котором колыхались от соленого ветра тонкие занавески по ночам.

И узкие булыжные улочки Риги, на которых у Нади обязательно подворачивались ноги – старая детская травма, подвывих лодыжки. И вечером, в номере гостиницы, он растирал ей голеностоп мазью «Бом Бенге», которая отчаянно и просто невыносимо воняла всю неделю, и спали они с открытым окном – зимой. И было так холодно, что он крепко обнимал ее, пытаясь согреть. Было хорошее, было.

А рождение дочки? Она вспомнила свои тяжелые, затяжные, «неправильные», по словам акушерки, роды и его скупые записки – всего три. Она их помнила наизусть всю жизнь – как выучила, зачитала до дыр в родильной палате...

Поздравляю – тебя и себя. Здорово. Пусть будет здоровой. Молодчина.

Это первая. Вторая:

Яблоки зеленые только на рынке. Куплю завтра, привезу к вечеру. Что еще? Соки нельзя – внизу памятка. Пей чай. Кроватку купил, коляску успеем. По поводу имени – твое право, рожала ты. Я не против. Прислушивайся к докторам. До завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.